

МУШТРА ГОСУДАРЕВЫХ ЛАКЕЕВ

А.А. Карпенко

Школа № 19 пос. Степного (Тихорецкий район)

Аннотация: В статье предпринята попытка проанализировать два документа, определяющих направление развития системы образования в современной России: концепцию духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России и фундаментальное ядро содержания общего образования. Автор утверждает, что представленная в документах концепция основывается на ценностях идеологии высокого модернизма и воспроизводит элементы традиционализма и принципы подданнической культуры. На основе анализа указанной концепции автор делает вывод, что она способствует воспитанию государевых лакеев.

Ключевые слова: воспитание, национальный воспитательный идеал, идеология высокого модернизма, «правильный» человек, модернизация, государевы лакеи.

Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России (далее КДНРиВЛГР) является важной частью Федерального государственного образовательного стандарта, поскольку определяет «национальный воспитательный идеал» для современной России. Именно эта концепция определяет те ценности, которые должны транслировать педагоги во взаимодействии с учащимися, и портрет выпускника школы, который был утверждён в приказе Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 мая 2012 года № 413.

В целом, фундаментальное ядро общего образования (далее ФЯСОО) и КДНРиВЛГР представляют собой документы, призванные ответить на новые социальные запросы общества в условиях трансформации России. «Необходимость определения Фундаментального ядра содержания общего образования вытекает из новых социальных запросов, отражающих трансформацию России из индустриального в постиндустриальное (информационное) общество, основанное на знаниях и высоком инновационном потенциале... Новые социальные запросы определяют новые цели образования и стратегию его развития. Фундаментальное ядро содержания общего образования, в свою очередь, конкретизирует цели как результаты общекультурного, личностного и познавательного развития учащихся» [ФЯСОО 2011: 4]. Таким образом, можно отметить переходный характер документов.

Исходя из новых социальных запросов, авторами КДНРиВЛГР формулируются: современный воспитательный идеал гражданина России, базовые национальные ценности и цели образования. «Современный национальный воспитательный идеал — это высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как

свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укоренённый в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации» [Данилюк, Кондаков, Тишков 2009: 11]. В таком контексте важнейшей целью образования становится воспитание граждан, соответствующих национальному идеалу [ФЯСОО 2011: 9]. Однако возникают вопросы: современен ли указанный национальный воспитательный идеал? И действительно ли этот идеал способствует становлению человека информационного общества?

В законе об утверждении основ законодательства Союза ССР и Союзных республик о народном образовании от 19 июля 1973 года целью народного образования СССР являлась «подготовка высокообразованных, творчески мыслящих, вооружённых глубокими знаниями, всесторонне, гармонично развитых граждан, убеждённых борцов за коммунизм, воспитанных на идеях марксизма-ленинизма, в духе непримиримости к буржуазной идеологии и морали, любви к Родине, гордости за принадлежность к социалистическому Отечеству, дружбы и братства народов, сознательного отношения к труду, ответственности, организованности и дисциплины, соблюдения Конституции СССР и советских законов, уважения правил социалистического общежития, активно участвующих в общественной и государственной жизни» [ЗУОЗНР 1985]. Несмотря на социалистическую риторику, можно отметить, что цели образования идентичны. Но на этом сходства ФЯСОО с образовательной программой и, в частности, воспитательной её частью, реализовываемой в СССР и воспроизводимой КДНРиВЛГР, не заканчиваются.

В программе КПСС 1961 года был сформулирован «моральный кодекс строителя коммунизма», который включал в себя те нравственные принципы, которыми должен был обладать каждый гражданин СССР. Нравственные принципы включали: преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине; добросовестный труд на благо общества; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми; честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни; нетерпимость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству; нетерпимость к национальной и расовой неприязни [ПКПСС 1961: 119–120]. Уделялось внимание в программе и патриотизму советских граждан, который должен был воплощаться «в преданности и верности своей Родине, всему содружеству социалистических стран» [ПКПСС 1961: 120]. Стоит отметить, что и программа КПСС 1961 года была сформулирована в условиях перехода, по мнению руководства СССР, от социализма к коммунизму. В связи, с чем и возникла необходимость воспитания нового человека, отвечающего коммунистическому обществу. «В период перехода к коммунизму возрастают возможности воспитания нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство» [ПКПСС 1961: 120–121].

Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России воспроизводит те же нравственные принципы и ценности, что и программа КПСС. Преданность делу коммунизма была заменена на «веру в Россию, чувство личной ответственности за Отечество перед будущими поколениями» [ФЯСОО 2011: 10]. КДНРиВЛГР так же транслирует следующие ценности: развитость чувства патриотизма и гражданской солидарности; забота о благосостоянии многонационального народа Российской Федерации, поддержание межэтнического мира и согласия; законопослушность и сознательно поддерживаемый гражданами правопорядок; готовность граждан солидарно противостоять внешним и внутренним вызовам; трудолюбие, бережливость, жизненный оптимизм, способность к преодолению трудностей; осознание ценности других людей, ценности человеческой жизни, готовность и способность к духовному развитию, нравственному самосовершенствованию [Данилюк, Кондаков, Тишков 2009: 12–13].

Стоит сделать промежуточные выводы и отметить общее, которое характерно как для программы КПСС 1961 года, так и для концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Во-первых, обе программы возникли в условиях трансформации, мнимой или реальной, общества, будь то от социализма к коммунизму, или от индустриального к постиндустриальному. Во-вторых, апеллируют к одним нравственным принципам и ценностям, таким как: патриотизм, верность и преданность Родине, гуманизм, трудолюбие, скромность, толерантность, законопослушность и т. д. И в-третьих, каждая из этих программ, явно или скрыто, ставит перед собой цель воспитания и создания «нового человека», человека для коммунизма или для информационного общества.

Данные выводы позволяют поставить ряд актуальных вопросов. Почему тоталитарный режим СССР и претендующий на демократичность политический режим в современной России воспитывают у учащихся одни и те же нравственные принципы и ценности? Удалось ли «высокособым теоретикам» КПСС сформулировать универсальный «моральный кодекс» и строителя коммунизма, и человека информационного общества? Соблюдали ли господствующие «клики» [Макаренко 2013: 7] СССР провозглашённый «моральный кодекс строителя коммунизма»? Соблюдают ли господствующие клики современной России «современный национальный воспитательный идеал» гражданина России? Удалось ли КПСС эффективно реализовать программу по воспитанию «нового человека»?

Исследования по реконструкции социального типа «человека советского» позволяют приблизиться к ответу на последний вопрос. «Идеальный человек, востребованный советской историей, прославленный её лидерами и трубадурами, — скромный, незаметный и непритязательный исполнитель указаний и предначертаний власть имущих. Декларативный героизм его сводился к выполнению трудовых, боевых и прочих заданий руководства» [Левада 2011: 310]. Как отмечает Юрий Левада, создавался не «новый» и даже не «простой», а только «упрощённый» человек, который должен был быть послушным, скромным, жить «как все» и не «высовываться», ожидать заботы и милости всемогущего государства [Левада 2011: 311]. Социальную и политическую историю СССР можно рассматривать как процесс вырождения профессионализма во всех сферах деятельности [Макаренко 2009а: 8]. При этом рассматривать Российскую империю как эталон профессионализма нет никаких оснований [Ливен 2007: 333, 386, 387, 434]. «Советская культурная политика <была> тождественна интеллектуальной кастрации людей, занятых культурой» [Макаренко 2009b: 7], и населения в целом. А одним из важнейших результатов функционирования советской системы стала деградация рабочей силы, в том числе и культурная [Коротец 1993]. Таким образом, можно заключить, что проект воспитания «нового» человека в СССР полностью провалился.

Никаких теоретических и практических выводов из огромного опыта СССР авторами указанной концепции сделано не было. Вера в создание «нового» человека основывается на ряде теоретических посылок, которые скрыто протаскиваются в основу любого подобного проекта, и при этом истинность таковых не ставится под сомнение. Во-первых, предполагается, что государство обладает «единственно верным» способом познания любой проблемы, социальной или природной. Во-вторых, считается, что государство обладает истинным знанием о социальной реальности, её проблемах, потребностях и, что немаловажно, будущем состоянии социальной системы и мира в целом. Из этого следует, что государство, обладающее, в отличие от обычных граждан, истинным знанием о настоящем и будущем, может взять на себя право от имени науки формировать «правильного» человека. Всё это говорит о господстве идеологии высокого модернизма, который «есть особая, подчёркнутая уверенность в перспективах применения технического и научного прогресса — обычно при посредстве государства — в каждой области человеческой деятельности» [Скотт 2005: 152–153]. Такая убеждённость приводит к формированию государственной социальной инженерии, главной целью которой становится создание совершенного социального порядка и соответствующего ему человека: «Если можно менять природу, чтобы создать удобный для человека лес,

почему бы не изменить общество, чтобы создать более удобное население?» [Скотт 2005: 155]. Проблема заключается в том, что «возможности вмешательства потенциально бесконечны» [Скотт 2005: 155]. Однако, как отмечает Дж. Скотт, «государственная социальная инженерия врождённо авторитарна. Вместо многих источников изобретений и внесения изменений допускается единственный — планирующая власть; вместо пластичности и самостоятельности существующей социальной жизни устанавливается социальный порядок, в котором положения участников чётко обозначены» [Скотт 2005: 157]. Таким образом, высокомоде­р­нистское государство, исключая конкурирующие точки зрения и действуя на основе обладания истинным знанием, стремится к созданию «правильного» индивида, удобного для социального порядка и тотального контроля. При этом стоит уточнить, что господствующие клики всегда стремятся к созданию не «нового», а именно «правильного» человека ради укрепления собственной власти.

В немалой степени господству указанных убеждений способствует идеализация чиновников со стороны государства: «...Если обязанностью чиновника является наблюдение за состоянием „общественного духа“, то чиновнику приписываются свойства проницательности, всеведения, всезнания. Чиновник, согласно такой идеализации, есть универсал, синтезирующий в себе обособившиеся сферы духовной деятельности. Он является одновременно политиком, философом, моралистом, художником и т. д.» [Макаренко 1985: 25]. Как показал Макин­тайр, представление о том, что бюрократы и гражданские эксперты, в том числе менеджеры, обладают специальными знаниями и компетенциями для решения социальных проблем, ложно [Макин­тайр 2000]. Итак, идеализация чиновников, гражданских экспертов и воспроизводство идеологии высокого модернизма позволяет государству безгранично вмешиваться в социальный мир и «перекраивать» человека по своему произволу. КДНРиВЛГР и ФЯСОО воспроизводят все указанные убеждения. В таком случае данную концепцию можно рассматривать как панегирик социальной инженерии.

Новая общеобразовательная школа должна воспитывать не только «новых» людей, она «...должна стать важнейшим фактором, обеспечивающим социокультурную модернизацию российского общества» [Данилюк, Кондаков, Тишков 2009: 5]. Между тем модернизация в истории России способствовала укреплению власти господствующих клик [Макаренко 1998]. «Модернизация — это история распада всего прочного, устоявшегося. Власть осуществляла модернизацию ради обеспечения собственной полной бесконтрольности», — отмечает В.П. Макаренко [Макаренко 2014: 20]. В связи с чем необходимо поставить вопрос: не приведёт ли очередная модернизация образования, а так же общества в целом к легитимации произвола власти, «подданнической» формы взаимодействия между государством и господствующими группами с одной стороны, и гражданами — с другой?

Уже в самой концепции можно найти ответ на поставленный вопрос. Современный национальный воспитательный идеал формулируется на основе преемственности по отношению к воспитательным идеалам прошлых эпох [Данилюк, Кондаков, Тишков 2009: 11]. Значит, авторы концепции не отвергают идеалы средневековой Руси, императорской России и СССР. Таким образом, воспитательный идеал «человека государственного, слуги царю и Отечеству» остаётся господствующим и не подвергается критике. Воспитание государевых лакеев остаётся наиболее важной целью образовательной системы, в частности, школы.

На страницах концепции говорится о воспитании у личности ответственности перед Отечеством за его настоящее и будущее [Данилюк, Кондаков, Тишков 2009: 11, 13, 16]. При этом авторами не ставится проблема ответственности государства и господствующих групп за свою деятельность и преступления перед обществом в целом и личностью, в частности. Убеждение в том, что правота всегда на стороне государственной власти, не ставится под сомнение. Власть остаётся свободной от какого-либо контроля. В таком случае индивид остаётся беззащитным перед произволом государственной власти. Более того, в концепции нет ни одного упоминания о необходимости формирования критического мышления по отношению

к государственной политике и политическому режиму в целом. Критик ставится авторами концепции вне какой-либо системы, особенно правовой. Индивид становится гражданином России «на основе принятия общих национальных духовных и нравственных ценностей» [ФЯСОО 2011: 10]. Таким образом, если индивид критикует (а значит и не принимает) те или иные ценности и традиции, то он совершает акт предательства по отношению к России. Следовательно, предатель не может находиться в рамках правовой системы этого государства, он становится преступником. ФЯСОО, несмотря на демократичность своей риторики, не даёт индивиду самого главного — выбора. Такая безальтернативность присутствует и на страницах КДНРиВЛГР [Данилюк, Кондаков, Тишков 2009: 16, 17]. Тем самым концепция формирует образ критика-предателя.

Один из главных принципов Просвещения сформулирован следующим образом: «познание — критика и опровержение устоявшихся убеждений и оценок с опорой на факты» [Макаренко 2002: 17]. В таком контексте концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России является антипознавательной и антипросвещенческой, поскольку она не критикует и не опровергает устоявшиеся догмы, стереотипы, ценности, традиции российского общества. Поэтому данную концепцию стоит рассматривать как разновидность традиционализма, который, в сущности, не может стать основой для модернизации ни образования, ни общества в целом. Под модернизацией в данном случае понимается процесс перехода от традиционного к современному открытому обществу [История сталинизма... 2011: 736].

Концепция продолжает воспроизводить образ гражданина-импотента. Такой гражданин характеризуется следующими чертами: он не выступает в качестве субъекта политической и правовой системы; не способен на критику или ограничивается «кухонным трёпом»; воспринимает политическую систему как неизменную данность; обречён на верноподданность или имитацию таковой, поскольку благополучие зависит от лояльности правящей группе; терпелив к произволу со стороны системы, который легитимизируется идеологами режима и объясняется действием законов исторического развития, традицией, кознями врагов народа; обречён на восприятие своего Отечества «такого как оно есть», что лишает индивида возможности влиять на государственную власть.

Итак, концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России исповедует идеологию высокого модернизма, а значит, авторитарна и предоставляет государству право безграничного вмешательства в социум и перекраивать его по собственному произволу. Исторический опыт провала подобных проектов авторами концепции не учтён. В концепции правота государственной власти не ставится под сомнение, формируется образ критика-предателя. Концепция характеризуется антипознавательной и антипросвещенческой направленностью, воспроизводя принципы традиционализма и подданнической культуры, которые не могут стать основой модернизации ни образования, ни общества в целом. Концепция продолжает транслировать, прикрываясь новой риторикой, образ гражданина-импотента. Иными словами, концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России направлена на воспроизводство «людья», «...страдающего общим недугом — нежеланием и неспособностью к восприятию культуры, к самостоятельному мышлению» [Никольский 2014: 70–71]. Как отмечает С.А. Никольский (со ссылкой на И. Канта), главной особенностью таких людей, наряду с бескультурьем, выступает неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого [Никольский 2014: 71]. В связи с чем, данную концепцию как разновидность муштры государственных лакеев стоит отбросить. Концепция образования должна быть сформулирована в процессе гражданского диалога между научным сообществом, родителями, работодателями, государственными структурами, педагогическим сообществом и учащимися.

Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. 2009. *Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России*. — М.: Просвещение.

ЗУОЗНР 1985. Закон об утверждении основ законодательства Союза ССР и Союзных Республик о народном образовании (в ред. Закона СССР от 27.11.1985. — *Ведомости ВС СССР*. — 1985. — № 48. — ст. 918. — Доступно: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-zakony/mlw.htm>. — Проверено: 16.06.2014.

История сталинизма... 2011. *История сталинизма: итоги и проблемы изучения. 2011. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г.* — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина».

Коротец И.Д. 1993. *Россия в ожидании...: очерк теоретической социологии послеоктябрьского периода*. — Грозный: типография Министерства образования.

Левада Ю. А. 2011. *Сочинения: проблема человека* / Ю. А. Левада: [сост. Т. В. Левада]. — Москва: Издатель Карпов Е.В.

Ливен Д. 2007. *Российская империя и её враги с XVI века до наших дней* / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. — М.: Издательство «Европа».

Макаренко В.П. 1985. *Анализ бюрократии классово-антогонистического общества в ранних работах Карла Маркса (очерк проблематики и методологии исследования)*. — Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета.

Макаренко В.П. 1998. *Русская власть (теоретико-социологические проблемы)*. — Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ.

Макаренко В.П. 2002. *Аналитическая политическая философия*. — М.: Праксис.

Макаренко В.П. 2009а. Научно-обывательское знание — интеллектуально-политические моды? — *Политическая концептология*. — № 2. — С. 5–29.

Макаренко В.П. 2009б. Советская катастрофа: от азиатской чумы до основной личностной структуры. — *Политическая концептология*. — № 4. — С. 5–33.

Макаренко В.П. 2013. Производство свинины и господство над структурами. — *Политическая концептология*. — № 2. — С. 6–31.

Макаренко В.П. 2014. Русская власть и модернизация: общие тенденции на фоне новейших исследований. — *Политическая концептология*. — № 1. — С. 6–23

Макинтайр А. 2000. *После добродетели: Исследования теории морали* / Пер. с англ. В. В. Целищева. — М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга.

Никольский С.А. 2014. О качестве человека. — *Политическая концептология*. — № 2. — С. 70–80.

ПКПСС 1961. *КПСС Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961*. — М.: Госполитиздат.

Скотт Дж. 2005. *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. — М.: Университетская книга.

ФЯСОО 2011. *Фундаментальное ядро содержания общего образования 2011*. Рос. акад. наук, Рос. акад. образования; под ред. В.В. Козлова, А.М. Кондакова. — 4-е изд., дораб. — М.: Просвещение.